Юмористические рассказы

Автор:
Аркадий Аверченко

Юмористические рассказы

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Обхохочешься

Аркадий Аверченко (1881–1925) – замечательный русский писатель-юморист, подлинное мастерство которого сразу покорило его современников, не случайно присвоивших ему титулы «Короля смеха» и «Рыцаря улыбок».

Аркадий Аверченко

Юмористические рассказы

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Чудеса в решете

Эхо церкви Феличе

Однажды летним вечером мы с приятелем сидели за столиком в саду и, попивая теплое красное вино, глазели на открытую сцену.

Дождь, упорно стучавший по крыше веранды, на которой мы сидели; необозримое снежное поле не занятых никем белых столиков; ряд самых замысловатых «номеров», демонстрировавшихся на открытой сцене; и, наконец, живительное теплое бордоское – все это настраивало нашу беседу на самый глубокомысленный, философический лад.

Прихлебывая вино, мы дружно цеплялись за каждое пустяковое обычное явление окружающей нас жизни и тут же, сблизив носы, принимались его рассматривать самым внимательным образом.

– Откуда берутся акробаты? – спросил мой приятель, поглядывая на человека, который только что уперся рукой в голову своего партнера и немедленно же поднял вверх ногами все свое затянутое в лиловое трико тело. – Ведь просто так, зря, они же акробатами не делаются. Почему, например, ты не акробат или я не акробат?

– Мне акробатом быть нельзя, – резонно возразил я. – Мне рассказы нужно писать. А вот почему ты не акробат – я не знаю.

– Да я и не знаю, – простодушно подтвердил он. – Просто не приходило в голову. Ведь когда в юности предназначаешь себя к чему-нибудь, то акробатическая карьера как-то не приходит в голову.

– А вот им же – пришла в голову?

– Да. Действительно это странно. Так иногда хочется пойти за кулисы к акробату и расспросить его – как это ему вздумалось сделать карьерой ежевечернее влезание на голову своему ближнему.

Дождь барабанил по крыше веранды, официанты дремали у стен, мы тихо беседовали, а в это время на сцене уже появился «человек-лягушка». Был он в зеленом костюме с желтым лягушечьим брюхом и даже с картонной лягушечьей головой. Прыгал, как лягушка, – и, вообще, ничем от обыкновенной лягушки, кроме размера, не отличался.

– Вот возьми – человек-лягушка. Сколько их, таких «человеков – чего-нибудь» бродит по свету: человек-страус, человек-змея, человек-рыба, человек-каучук. Спрашивается: как всякий такой человек мог добраться до решения – сделаться человеком-лягушкой? Осенила ли его эта мысль сразу, когда он мирно сидел на берегу тинистого пруда, наблюдая действия просто-лягушек… Или эта мысль постепенно, исподволь росла в нем и крепла.

– Я думаю – сразу. Осенило.

– А может быть, у него с детства было стремление к лягушечьей жизни и только влияние родителей удерживало его от этого ложного шага. Ну, а потом… Эх, молодость, молодость! Потребуем еще одну, – хорошо?

– Молодость?

– Бутылку. А это кто, в клетчатом пальто с громадными пуговицами, в рыжем парике? Ах, эксцентрик! Заметь, у них уже есть свои освященные временем приемы, традиции и правила. Например – эксцентрик должен быть непременно в рыжем парике. Почему? Бог его знает! Но это хороший клоунский тон. Затем – появляясь на сцене, он никогда не сделает ни одного целесообразного поступка. Все его жесты и шаги должны быть явно бессмысленны, обратно пропорциональны здравому смыслу. Чем бессмысленнее – тем больший успех. Погляди: ему нужно закурить папиросу… Он берет палочку, трет ее о лысину – палочка зажигается. Он закуривает папиросу, а горящую палочку прячет в карман. Теперь ему нужно погасить папиросу. Как он это делает? Берет сифон содовой воды и пускает струю на тлеющую папиросу. Кто в действительной жизни зажигает спички о голову и гасит папиросу с помощью сифона? Он хочет расстегнуть пальто… Как он это делает? Как другие люди? Нет! Он вынимает из кармана громадные ножницы и отстригает ими пуговицы. Смешно? Ты смеешься? А знаешь, почему люди смеются, глазея на это? Психология их такова: о боже, как глуп этот человек, как он неуклюж!.. А вот я не такой, я умнее. Я зажгу спичку о спичечную коробку и расстегну пальто обычным способом. Тут просто звучит замаскированная молитва фарисея; благодарю тебя, Господи, что я не похож на него.

– Бог знает, что ты такое говоришь…

– Да уж верно, брат, верно. Жаль, что над этим никто не задумывается… Ну, вот посмотри: его партнер хочет его брить… Взял ведро с мыльной водой, привязал его салфеткой за горло к стулу, а потом нахлобучил ему ведро с мылом на голову и бьет, торжествуя победу, по его животу кулаками и ногами. Смешно? Публика смеется… А что, если бы привести сюда старушку-мать этого рыжего с ведром на голове; она, вероятно, и не знает, чем занимается ее сын, ее дитя, которого она укачивала на коленях, тихо целуя розовые пухлые губки, гладя шелковистые волосики, прижимая младенческий теплый животик к своей многолюбящей материнской груди… А теперь по этому животику какой-то зеленощекий парень молотит своими ножищами, а с пухлых губок, измазанных краской, стекает мыльная пена, а шелковистых волосиков нет – вместо них ужасные красные волосища… Каково это матери? Заплачет она и скажет: Павлик мой, Павлик… На то ли я тебя ростила, холила. Дитя мое! Да что же это ты с собою сотворил такое?!

– Во-первых, – категорически заявил я, – ничто не помешает этому рыжему, если он действительно встретит свою мать, – заняться какой-нибудь другой, более полезной деятельностью, а во-вторых – ты, кажется, выпил вина больше, чем нужно.

Приятель пожал плечами.

– Во-первых, этот парень уже ничем другим заняться не может, а во-вторых, я выпил вина не больше, а меньше, чем нужно, – в подтверждение чего могу тебе связно и толково рассказать одну действительную историю, которая подтвердит мое «я»! Во-первых.

– Пожалуй, – согласился я, – подавай свою историю.

– Эта история, – сказал он торжественно, – подтверждает, что человек, который привык стоять на голове, не может уже стоять на ногах, и человек, который избрал себе профессию лягушки, не может быть ничем другим, кроме лягушки – ни директором банка, ни мануфактурным приказчиком, ни городским деятелем по выборам… Лягушка – останется лягушкой. Ну, вот:

История итальянского слуги Джустино

Как тебе известно, а может быть, как тебе не известно, я исколесил всю Италию вдоль и поперек. Признаться тебе – я люблю ее, эту грязную, лживую надувательскую Италию. Как-то раз, шатаясь по Флоренции, попал я во Фьезоле – этакое мирное идиллическое местечко, без трамваев, шума и грохота.

Я зашел во дворик маленького ресторанчика, присел к столику и, заказав какую-то курицу, закурил сигару.

Вечер теплый, ароматный, настроение у меня прекрасное… Хозяин терся-терся около меня, очевидно собираясь что-то спросить и не решаясь – однако, наконец, решился и спросил:

– А что, прошу извинения – не нужен ли синьору слуга?

– Слуга? Какой слуга?

– Обыкновенный, итальянский. Синьор, видно, человек богатый, и ему, вероятно, нужно, чтобы кто-нибудь ему служил. У меня есть для синьора слуга.

– Да на кой дьявол мне слуга? – удивился я.

– Ну, как же. Разве можно жить без слуги? Всякий барин должен иметь слугу.

Признаться, мне это соображение никогда не приходило в голову.

«А ведь в самом деле, – подумал я. – Отчего бы мне и не иметь слуги? В Италии я еще проброжу долго, а человек, которому можно взвалить на шею разные мелкие хлопоты и дрязги – очень бы меня облегчил…»

– Ладно, – говорю. – Покажите вашего слугу.

Привели… Парень здоровый, коренастый, с ласковой улыбкой и предобродушным выражением лица.

Потолковали мы пять минут, и в тот же вечер я увез его во Флоренцию. Со следующего дня и началась моя трагедия.

– Джустино! – сказал я утром. – Почему ты не почистил мне ботинок?

– О, синьор! Я не умею чистить ботинок, – заявил он с искренним огорчением.

– Какой же ты слуга, если не умеешь делать такого пустяка! Сегодня же возьми урок у чистильщика сапог. А сейчас свари мне кофе.

– Синьор! Осмелюсь заявить, что я не знаю, как варить кофе.

– Смеешься ты надо мной, что ли?

– О, нет, синьор… не смеюсь… – печально пробормотал он.

– Ну, а телеграмму сдать на почту ты сумеешь? Запаковать чемодан, пришить к пальто пуговицу, побрить меня, приготовить ванну – сумеешь?

И снова прозвучало грустное:

– Нет, синьор, не сумею.

Я скрестил на груди руки.

– А что же ты умеешь, скажи на милость.

– Будьте ко мне, синьор, снисходительны… Я почти ничего не умею.

Во взоре его светилась тоска и искреннее страдание.

– Почти?! Ты говоришь «почти»… Значить, что-нибудь ты умеешь делать?

– О, синьор! Да умею – но это, к сожалению, вам не нужно.

– Да что же это такое?

– О, не расспрашивайте меня… Мне даже неловко сказать…

– Почему? А вдруг это мне понадобится…

– Нет, нет. Клянусь святым Антонием – вам это никогда не понадобится…

– Черт знает что! – подумал я, опасливо на него поглядев, – может быть, он до этого был разбойником и резал в горах проезжий народ. Тогда действительно он прав, – это мне никогда не понадобится…

Однако милое простодушное лицо Джустино самым наглядным образом опровергало это предположение.

Я махнул рукой – сам заварил кофе, сдал на почту корреспонденцию и вечером приготовил себе ванну.

На другой день я поехал во Фьезоле и зашел в тот самый ресторанчик, хозяин которого таким подлым образом подсунул мне «слугу».

Я уселся за стол – и снова появился кланяющийся, извивающийся хозяин.

– Эй, вы, – поманил я его пальцем. – Что это за чертову слугу вы мне подсунули, а?

Он приложил руки к сердцу.

– О, синьор! Он прекрасный человек – добрый, честный и непьющий…

– Да что мне в его честности, когда он палец о палец ударить не может. Именно – не может… Не «не хочет», а «не может». Вы говорили – я господин и мне нужно слугу; а подсунули мне господина, у которого я играю роль слуги, потому что нет такой вещи, которую бы он мог сделать.

– Простите, синьор… Он может кое-что сделать, и очень хорошо даже… Но это вам совсем не нужно.

– Что же это такое?

– Да уж я не знаю – говорить ли? Не хочется хорошего парня конфузить.

Я ударил кулаком по столу.

– Да что вы все, черт побери, – сговорились, что ли!! Он умалчивает о своей бывшей профессии, вы тоже скрываете… Может быть, он железнодорожный вор или морской пират!!

– Сохрани Боже! Он служил по церковному делу и ничем дурным не занимался.

Криком и угрозами мне удалось вытянуть у хозяина всю историю.

Удивительная история, глупейшая история.

Надо тебе сказать, что вся Италия от больших городов, как Рим, Венеция, Неаполь, – до самых маленьких, – живет исключительно туристами. Туристы – это та «обрабатывающая» промышленность, которой кормится вся Италия. Все направлено к уловлению туриста. Их серенады в Венеции, развалины в Риме, грязь и шум Неаполя – все это во славу форестьера, во имя его кошелька.

Каждый город, каждый квартал в городе имеет свою достопримечательность, которая за две лиры, за лиру, за мецца-лиру – показывается всякому шалому любопытствующему путешественнику.

В Вероне показывают могилу Джульетты, в соборе Св. Марка место, где на коленях стоял Фридрих Барбаросса или еще кто-то… История, живопись, скульптура, архитектура – все идет в ход.

Есть в Северной Италии городишка – такой маленький, такой скверный, что его даже и на картах стыдятся указывать. Даже не городишка, а нечто вроде деревни.

И вот деревушка эта стала чахнуть. От чего может чахнуть итальянская деревушка? От бестуристья.

Есть турист – сыты все; нет туриста – ложись и помирай.

И все население деревушки со скорбью и тоской видело, как каждый день мимо них проносились поезда, битком набитые туристским мясом; останавливались на минуту и, не выкинув ни одного англичанина или немца, – мчались дальше.

А на следующей станции половина туристов выползала с поезда и шла осматривать городок, который сумел обзавестись собственной достопримечательностью: церковью, в которой был кто-то убит или замурован, или к стене прикован; показывали и кинжал убийцы, и замурованное место, и цепи – что кому больше нравилось. А может, никого там никогда и не убивали – итальянцы большие мастера соврать, в особенности с корыстной целью.

И вот однажды разнеслась по всей округе чудесная весть: что в той деревушке, о которой я говорил раньше, после перестройки церковного купола появилось эхо, которое повторяет звук не раз и не два раза, как это иногда случается, а восемь раз.

Конечно, праздный, бездельный турист валом повалил на эту диковину…

Действительно, слух оправдался; эхо честно аккуратно повторяло каждое слово восемь раз.

И вот «эхо деревни Феличе» совершенно забило «замурованного принца городка Санта-Клара».

Двенадцать лет это продолжалось: двенадцать лет лиры и мецца-лиры лились в карман граждан деревни Феличе… И вот – на тринадцатый год (несчастливый год!) разразился страшный скандал: компания богатейших американцев с целой гирляндой разодетых дам приехала посмотреть «эхо деревни Феличе». И когда эта пышная компания вошла в скромную церковку – эхо было, очевидно, так поражено блеском и роскошью компании, что в ответ на крик одной дамы «Гудбай!» повторило это слово пятнадцать раз…

Самый главный американец сначала изумился, потом возмутился, потом расхохотался, а затем вся компания, не слушая протестов церковной администрации, бросилась отыскивать эхо… Обнаружили его в замаскированном ширмой уголке на хорах, и когда вытащили «эхо», оно оказалось широкоплечим добродушным парнем – короче говоря, моим слугой Джустино.

Две недели вся Италия, прочтя о случае с «эхо Феличе», держалась за животики; потом, конечно, об этом забыли, как забывается все на свете.

Деревушка Феличе впала в прежнее ничтожество, а Джустино – эхо Феличе – за свою неуместную щедрость лишился места, на которое поступил еще мальчишкой – и, как человек, кроме эха ничего не умевший, – очутился на мостовой.

Всякому человеку хочется есть… Поэтому Джустино стал искать себе место! Он приходил в какую-нибудь деревенскую церковь и предлагал:

– Возьмите меня на службу…

– А ты что можешь делать?

– Я могу быть эхо. Очень хорошая работа… От 8 до 15 раз.

– Эхо? Не требуется. Мы кормимся плитой, на которой раскаялся однажды Борджия; человек на ней пролежал ночь, а нашим предкам, нам и потомкам нашим – на всю жизнь хватит.

Усталый, брел он дальше.

– Эхо хорошее, церковное! Не нужно ли? Отчетливое исполнение, чистая работа.

– Нет, не надо.

– Да почему? Турист эхо любит. Взяли бы меня, а?

– Нет, неудобно… То полтораста лет не было эха в церкви, а то вдруг – на тебе – сразу появилось.

– А вы купол перестройте.

– Будем мы из-за тебя купол перестраивать… Иди себе с Богом.

Он бы умер с голода, если бы я его не взял себе в слуги.

* * *

Я долго молчал, размышляя о судьбе несчастного Джустино; потом спросил:

– Что же с ним сталось?

– Промучился я с ним год. Все не хватало духу выгнать. И когда я, взбешенный его манерой варить кофе, в котором было на треть бензину, кричал: «сегодня же забирай свои вещи и проваливай, бездарный негодяй!» – он прятался в соседнюю комнату и оттуда я слышал очень искусное эхо моих слов: «бездарный негодяй… дарный негодяй… и-й негодяй… негодяй… дяяй… яяя…»

Это все, что умел делать несчастный, искалеченный своей ненормальной судьбой парень.

– Где же он теперь?

– Выгнал. Что с ним, не знаю. Впрочем, недавно мне в Пизе говорили, что в одной близлежащей деревушке есть церковь, в которой замечательное эхо – повторяемое восемь раз. Весьма возможно, что мой горемыка-слуга снова попал на свои настоящие рельсы…

Пирамида Хеопса

Начало всей этой истории почему-то твердо врезалось мне в память. Может быть, именно потому я имею возможность, ухватившись за этот хвостик, размотать весь клубок до самого конца.

Приятно, очень приятно следить со стороны за человеком, который в простоте душевной уверен, что все звенья цепи его поступков скрыты от чужого взгляда, и потому он – вышеупомянутый человек – простодушно и бесстыдно распускается пышным махровым цветком.

Автор – большой любитель таких чудесных махровых цветков.

Итак, хватаю эту историю за самый хвост.

Четыре года тому назад мне пришлось прожить целую неделю в квартире Новаковича – того самого, который однажды зимой уверил всех, что может проплыть в воде шесть верст, а потом, когда я, поймав его летом в Севастополе, заставил проделать это, Новакович отказался под тем предлогом, что какой-то купальщик плюнул перед тем в воду.

Несмотря на такие странные черты своего характера, Новакович был, в сущности, хорошим человеком, веселым, жизнерадостным – и я не без удовольствия прожил у него эту неделю.

Как-то после обеда, уходя из дому, мы измыслили забавную мистификацию: напялили на мольберт пиджак и брюки Новаковича, набили это сооружение тряпками, увенчали маской, изображавшей страшную святочную харю, и, крадучись, ушли, оставив дверь полуоткрытой.

По уходе нашем было так:

Первой вошла в комнату сестра Новаковича; увидев страшное существо, стоявшее перед ней на растопыренных ногах, нахально откинувшись назад – она с пронзительным криком отпрянула, шарахнулась вместо двери в шкаф, набила себе на виске шишку и уже после этого кое-как выбралась из комнаты.

Второй сейчас же вбежала горничная с графином воды, который она несла куда-то. От ужаса она уронила графин на пол и подняла крик.

Третьим пришел швейцар, приглашенный перепуганными женщинами. Это был человек, которого природа наделила железными нервами. Подойдя к молчаливому, жутко неподвижному незнакомцу, он сказал: «Ах ты, сволочь паршивая», размахнулся и ударил по страшной харе. После этого полетевший на пол и буквально потерявший голову незнакомец был освежеван, выпотрошен и водворен по частям на старое место: скелет поставили в угол, мясо и кожу повесили в платяной шкаф, ноги задвинули под кровать, а голову просто выбросили…

Четвертым и пятым пришли мы с Новаковичем. В зависимости от темперамента и общественного положения мы были названы: «веселыми баринами», «выдумщиками, вечно придумающими что-нибудь этакое…» и, наконец, «идиотами».

Графин мы компенсировали веселым ужином, в котором участвовали несколько графинов – и тем вся история окончилась. Впрочем, что я такое говорю – окончилась… Она только началась.

* * *

Прошло три недели.

Сидя в уголке гостиной на одном шумном вечере, я услышал и увидел следующее. Новакович подошел к одной группе остривших и рассказывавших анекдоты мужчин – и сказал:

– Ну, что этот ваш анекдот о купце! Старина матушка. Его еще Ной Каину и Авелю в Месопотамии рассказывал. А вот я вам расскажу факт, случившийся со мной…

– Ну, ну?

– Однажды вечером, недели три тому назад, я устроил у себя в комнате чучело человека, из мольберта, ботинок, костюма и святочной маски… Устроил, значит, и ушел… Ну-с – заходит зачем-то моя сестра в эту комнату… Видит эту штуку ну… и вы сами понимаете! Бросается вместо дверей в шкаф – трах головой! Кровь ручьем! Падает в обмороке. На шум вбегает горничная, а у нее в руках, можете представить, дорогой фарфоровый кувшин. Увидела лежащую хозяйку, увидела кровь, увидела этакого неподвижного страшного дядю, бросила дорогой фарфоровый кувшин на пол, – да вон из комнаты. Выбежала на переднюю лестницу, а по лестнице как раз швейцар поднимается с телеграммой в руках. Бросается она на швейцара, сбивает его с ног, и катятся они вниз по лестнице!!. Ну, кое-как с оханьями и проклятиями встают, поднимаются, объясняются, швейцар берет револьвер, идет в комнату, приотворил дверь, кричит: «Сдавайся!» – «Не сдамся!» – «Сдавайся!» – «Не сдамся!..»

– Виноват, – перебил Новаковича один из слушателей, очень изумленный. – Кто же это мог отвечать ему: «Не сдамся!»? Ведь человек-то ваш был сделан из мольберта и тряпок?..

– Ах, да… Вы спрашиваете, кто отвечал: «Не сдамся!»? Гм… да. Это, видите ли, очень просто: это сестра моя отвечала. Она как раз очнулась от обморока, слышит, что кто-то кричит из другой комнаты «Сдавайся!», да и подумала, что это товарищ разбойника. Ну, и ответила: «Не сдамся!» Она у меня храбрая сестренка; вся в меня.

– Да… Бывает. Что же дальше?

– Что? Швейцар из револьвера прямо в грудь нашему чучелу: бах! Тот на пол – бац! Бросились, а там одни тряпки. Сестра со мной потом два месяца не разговаривала.

– Почему два месяца? Вы же говорите, что это произошло всего три недели тому назад.

– Ну, да! Что ж такое… Уже три недели не разговаривает, да я думаю, еще недель пять не будет разговаривать – вот вам и два месяца.

– Ах, так… Да… Бывает. Странная, странная история.

– Я же вам говорю! А вы им там какой-то анекдот о купце рассказываете!..

* * *

Прошел год…

Однажды большая компания собралась ехать на Иматру.

Были и мы с Новаковичем.

Когда ехали в вагоне, то расселись так, что я сидел через две скамейки от Новаковича.

Видеть я его не видел, но голос слышал.

Новакович говорил:

– Я нахожу вашу историю с привидением конокрада банальной. Вот со мной однажды случилась история так история!

– Именно?

– Взял я однажды как-то, в прошлом году, да и соорудил у себя в комнате чучело разбойника – из мольберта, пиджака, брюк и ботинок. Привязал к руке нож… большой такой острый… и сам ушел. Заходит зачем-то в комнату сестра – видит эту ужасную фигуру… Бросается вместо дверей в бельевой шкаф – трах! Дверка вдребезги, сестра вдребезги… Бросается она к окну… Трах! Распахнула она его, да с подоконника – прыг! А окно-то в четвертом этаже… После этого вбегает горничная, а в руках у нее на подносе дорогой фарфоровый сервиз еще екатерининских времен… От деда остался. Ему теперь и цены нет. Сервиз, конечно, вдребезги, горничная тоже… вылетает на лестницу, падает на швейцара, который с околоточным и двумя городовыми поднимался по лестнице кому-то повестку вручать, и вся эта компания, можете себе вообразить, летит, как этакий бульденеж, – с лестницы вниз. Крик, визг, стоны. Потом поднялись, расспросили горничную, подошли все к таинственной комнате… Конечно, шашки наголо, револьвер наголо… Пристав кричит…

– Вы говорили «околоточный», – кротко поправил Новаковича один из слушателей.

– Ну, да, не пристав, а помощник пристава. Это все равно что околоточный… Он после в Батуме был приставом… Ну-с, кричит, значит, пристав в дверь: «Сдавайся!» – «Не сдамся!» – «Сдавайся!» – «Не сдамся!»

– Кто же это отвечал приставу: «Не сдамся!»? Ведь в комнате было только чучело…

– Как только чучело? А сестра?

– Да сестра ведь, вы говорите, выскочила из окна четвертого этажа.

– Ну, да… Так вы же слушайте! Выскочить-то она выскочила, да зацепилась платьем за водосточную трубу. Висит у самого окна, вдруг слышит: «Сдавайся!» Думает, разбойник кричит, ну, конечно, девушка храбрая, с самолюбием: «Не сдамся!» Хе-хе… «Ах, – говорит пристав, – так ты так, мерзавец?! Не сдаваться? Пали в него, ребята!» Ребята, конечно: бах! бах! Чучело-то мое упало, но за чучелом стоял старинный столик красного дерева, как говорят, из загородного шале Марии-Антуанетты… Столик, конечно, вдребезги. Зеркало старинное вдребезги!.. Входят потом… Ну, конечно, сами понимаете… Ужас, разгром… Спросите сестру, она вам расскажет; когда бросились к чучелу, так глазам не хотели верить – так было все хорошо прилажено. Сестра потом от нервной горячки померла, пристава в Батум перевели…

– Как же вы говорите, чтобы мы сестру спросили, а потом сообщаете, что она умерла?

– Ну, да. Что ж такое? Она и умерла. А зато другая сестра есть, которая при этом была и все видела…

– Где же она теперь?

– Она? В Восьмипалатинске. За члена Судебной Палаты замуж вышла.

С минуту помолчали. Да-с. История с географией!

* * *

…Недавно, войдя в гостиную Чмутовых, я увидел возбужденного Новаковича, окруженного целым цветником дам.

– …Полицеймейстер во главе наряда полиции подходит к дверям, кричит: «Сдашься ты или нет?» – «Не сдамся!» – «Сдашься?» – «Не сдамся!» – «Пли, ребята!» Пятьдесят пуль! как одна – вдребезги! «Сдаешься?» – «Не сдамся!» – «Пли! Зови пожарную дружину!! Разбивай крышу! Мы его сверху возьмем! Выкуривай его дымом – взять его живым или мертвым!!» В это время возвращаюсь я… Что такое? Во дворе пожарная команда, дым, выстрелы, крики… «Виноват, г-н полицеймейстер, – говорю я, – что это за история такая?» –

«Опасный, говорит, бандит засел в вашей комнате… Отказывается сдаться!» Я смеюсь: «А вот, говорю, мы его сейчас…» Иду в комнату и выношу чучело под мышкой… С полицеймейстером чуть удар не сделался: «Это что за мистификации? – кричит. – Да я вас за это в тюрьме сгною, шкуру спущу!!» – «Что-о? – отвечаю я. – Попробуй, старая калоша!» – «Ш-штоссс?!» Выхватывает шашку – ко мне! Ну, я не стерпел; развернулся… Потом четыре года крепости пришлось…

– Почему же четыре! Ведь это было года три назад?..

– А? Ну, да. Что ж такое… Три года и было. Под манифест попал.

– Ну, да… разве что так.

– Именно, так-с!!

А когда мы с ним вышли из этого дома и, взявшись дружески под руку, зашагали по тихим, залитым луною улицам, он, интимно пожав мой локоть, сказал:

– Сегодня, когда ты вошел, я им одну историю рассказывал. Ты начала не слышал. Изумительнейшая, прелюбопытнейшая история… Однажды устроил я в своей комнате из мольберта и разных тряпок подобие человека, а сам ушел. Зашла зачем-то сестра, увидела…

Я не мог дальше сдерживаться.

– Послушай, – сказал я. – Как тебе не стыдно рассказывать мне ту самую историю, которую мы же с тобой и устроили… Неужели ты не помнишь? И драгоценных сервизов не было, полицеймейстера не было, пожарных не было… А просто горничная разбила графин для воды, потом позвала швейцара, и он сразу разобрал на кусочки все наше произведение…

– Постой, постой, – приостановился Новакович. – Ты о чем это говоришь? О той истории, которую мы с тобой подстроили? Ну, да-а!.. Так это совсем другое! То действительно так было, как ты говоришь, а это было в другое время. А ты, чудак, думал, что это то же самое? Ха-ха! Нет, это было даже на другой улице… То было на Широкой, а это на Московской… И сестра была тоже другая…

младшая… А ты думал?.. Ха-ха! Вот чудак!

Когда я взглянул на его открытое, сиявшее искренностью и правдивостью лицо – я подумал: я ему не верю, вы ему не поверите… Никто ему не поверит. Но он – сам себе верит.

* * *

И строится, строится пирамида Хеопса до сих пор…

Американец

В этом месте река делала излучину, так что получалось нечто вроде полуострова. Выйдя из лесной чащи и увидев вдали блестевшие на солнце куски реки, разорванной силуэтами древесных стволов, Стрекачев перебросил ружье на другое плечо и отер платком пот со лба.

Тут-то он и наткнулся на корявого мужичонку, который, сидя на пне сваленного дерева, весь ушел в чтение какого-то обрывка газеты.

Мужичонка, заслышав шаги, отложил в сторону газету, вздел на лоб громадные очки и, стащив с головы неопределенной формы и вида шляпчонку, поклонился Стрекачеву.

– Драсти.

– Здравствуй, братец. Заблудился я, кажется.

– А вы откуда будете?

– На даче я. В Овсянкине. Оттуда.

– Верстов восемь будет отселева…

Он пытливо взглянул на усталого охотника и спросил:

– Ничего вам не потребуется?

– А что?

– Да, может, что угодно вашей милости, так есть.

– Да ты кто такой?

– Арендатель, – солидно отвечал мужичонка, переступив с ноги на ногу.

– Эту землю арендуешь?

– Так точно.

– Что ж, хлеб тут сеешь, что ли?

– Где уж тут хлеб, ваша милость! И в заводе хлебов не было. Всякой дрянью поросло, – ни тебе дерева настоящие, ни тебе луга настоящие. Бурелом все, валежник, сухостой.

– Да что ж ты тут… грибы собираешь, ягоды?

– Нету тут настоящего гриба. И ягоды тоже, к слову сказать, чорт-ма.

– Вот чудак, – удивился Стрекачев. – Зачем же ты тогда эту землю арендуешь?

– А это, как сказать, ваше благородие, всяка земля человеку на потребу дана и ежели произрастание не происходить, то, как говорится, человек не мытьем, так катаньем должон хлеб свой соблюдать.

Эту невразумительную фразу мужичонка произнес очень внушительно и даже разгладил корявой рукой крайне скудную бороду, напоминавшую своим видом унылое «арендованное» место; ни тебе колосу, ни тебе гладкого места, – один бурелом да сухостой.

– Так с чего ж ты живешь?

– Дачниками кормлюсь.

– Работаешь на них, что ли?

Хитрый смеющийся взгляд мужичонки обшарил лицо охотника, и ухмыльнулся мужичонка лукаво, но добродушно.

– Зачем мне на них работать! Они на меня работают.

– Врешь ты все, дядя, – недовольно пробормотал охотник Стрекачев, вскидывая на плечо ружье и собираясь уходить.

– Нам врать нельзя, – возразил мужичонка. – Зачем врать! За это тоже не похвалят. Баб обожаете?

– Что?

– Некоторые из нашего полу до удивления баб любят.

– Ну?

– Так вот я, можно сказать, по этой бабьей части.

– Кого?!!

– А это мы вам сейчас скажем – кого…

Мужичонка вынул из-за пазухи серебряные часы, открыл их и, приблизив к глазам, погрузился в задумчивость… Долго что-то соображал.

– Шестаковская барыня, должно, больны нынче, потому уже пять ден, как не показываются, значить, что же сейчас выходит? Так что, я думаю, время сейчас Маслобоевым-дачницам и Огрызкиным; у Маслобоевых-то вам кроме губернанки

профиту никакого, потому сама худа, как палка, а дочки опять же такая мелкота, что и внимания не стоющия. А вот Огрызкиной госпожой довольны останетесь. Дама в самой красоте, и костюмчик я им через горничную Агашу подсунул такой, что отдай все да и мало. Раньше-то у нея что-то такое надевывалось, что и не разберешь: не то армячок со сборочкой, не то как в пальте оно выходило. А ежели без обтяжки – мои господа очень даже как обижаются. Не антиресно, вишь. А мне что?… Да моя бы воля, так я безо всего, как говорится. Убудет их, что ли? Верно я говорю?

– Черт тебя разберет, что ты говоришь, – рассердился охотник.

– Действительно, – согласился мужичонка. – Вам не понятно, как вы с дальних дач, а наши Окромчеделовские меня ни в жисть не забывают. «Еремей, нет ли чего новенького? Еремей, не освежился ли лепретуарчик? Да я на эту, может, хочу глянуть, а на ту не хочу, да куда делась та, да что делает эта?» Одним словом, первый у них я человек.

– У кого?

– А у дачников.

– Вот у тех, что за рекой?

– Зачем у тех? Те ежели бы узнали – такую бы мятку мне задали, что до зеленых веников не забудешь. А я опять же говорю об Окромчеделовских. Тут за этим бугром их штук сто, дач-то. Вот и кормлюсь от них.

– Да чем же ты кормишься, шут гороховый?!

Мужичонка почесал затылок.

– Экой ты непонятный! Как да что… Посадишь барина в яму – ну, значит, и живи в свое удовольствие. Смотря, конешно, за что и платят. За Огрызкинскую барыню я, брат, меньше целкового никак не возьму; Шестеренкины девицы тоже – на всякий скус потрафют, – рупь с четвертаком грех взять за этакую видимость али нет? Дрягина госпожа, Семененко, Косогорова, Лякина… Мало ли.

– Ты что же, значит, – сообразил Стрекачев, – купальщиц на своей земле показываешь?

– Во-во. Их, значит, тот берег, а мой, значит, этот. Им убытку никакого, а мне хлеб.

– Вот каналья, – рассмеялся Стрекачев. – Как же ты дошел до этого?

– Да ведь это, господин, кому какие мозги от Бога дадены… Иду я о прошлом годе к реке рыбку поудить – гляжу, что за оказия! Под одним кустом дачник белеется, под другим кустом дачник белеется. И у всякого бинокль из глаз торчит. Сдурели они, думаю, что ли. Тогда-то я еще о биноклях и не слыхивал. Ну, подхожу, значит, к реке поближе… Эге-ге, вижу. Тут тебе и блюнетки, и брондинки, и толстые, и тонкие, и старые, и малые. Вот оно что! Ну, как, значит, я во всю фигуру на берегу объявился – они и подняли визг: «Убирайся, такой-сякой, вон, как смеешь!..» И-и расстрекотались! С той поры я, значить, умом и вошел в соображение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/averchenko_arkadiy/yumoristicheskie-rasskazy

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити